

Научная статья
УДК 008:001.8
DOI: 10.20323/1813-145X-2022-6-129-236-243
EDN: zkbxqf

**Советский дискурс в социокультурном пространстве исторического города
(на примере г. Ярославля)**

Мария Вячеславовна Александрова

Кандидат исторических наук, доцент кафедры культурологии ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского». 150000, г. Ярославль, ул. Республиканская, д. 108/1
msholeh@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4709-5663>

Аннотация. Статья посвящена специфике трансформации социокультурного пространства исторического города российской провинции в советский период и исследованию аспектов включения советского дискурса в систему культурных кодов современной городской среды. Процессы развития городского социокультурного пространства рассматриваются на репрезентативном примере Ярославля, который относящегося к числу исторических городов, и обусловлены аспектами позиционирования города на современном этапе. В статье анализируется историко-культурный и идеологический контекст изменения визуально-пространственных доминант и топонимии исторического города в советский период, выявляются аспекты преемственности в развитии городской застройки, отношения к сохранению историко-культурного наследия предшествующих эпох, изменения архитектурной среды и облика города, возникновения новых концептов и символов его социокультурного пространства. Стратегии и практики трансформации городской среды проанализированы на материалах советских градостроительных программ и генпланов провинциальных городов (Ярославль, Тверь, Рязань), советской периодической печати, публицистики, источников личного происхождения, постановлений о переименовании городских объектов. В статье выявлены специфика развития топонимии исторического города в советский период, проблемы унификации и включения локального историко-культурного контекста в процесс переименования городских объектов, проанализированы феномены и персоналии, востребованные в советской топонимике, обозначены аспекты утраты идеологической коннотации и бытования советских урбанонимов в современном историческом городе на официальном и неформальном уровнях. На примере Ярославля проанализирован современный контекст позиционирования и актуализации советского культурного наследия в городской среде.

Ключевые слова: советский период; исторический город; Ярославль; социокультурное пространство; провинция; топоним; культурное наследие

Выполнено по гранту РФФИ № 20-68-46013

Для цитирования: Александрова М. В. Советский дискурс в социокультурном пространстве исторического города (на примере г. Ярославля) // Ярославский педагогический вестник. 2022. № 6 (129). С. 236-243.
<http://dx.doi.org/10.20323/1813-145X-2022-4-127-8-17>. <https://elibrary.ru/zkbxqf>

Original article

**Soviet discourse in the socio-cultural space of a historical city
(on the example of the city of Yaroslavl)**

Mariya V. Aleksandrova

Candidate of historical sciences, associate professor of the department of culturology, FSBEI HE «Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky». 150000, Yaroslavl, Respublikanskaya st., 108/1
msholeh@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4709-5663>

Abstract. The article is devoted to the specifics of the transformation of the socio-cultural space of the historical city of the Russian province in the Soviet period and the study of aspects of the inclusion of Soviet discourse in the system of cultural codes of the modern urban environment. The development processes of the urban socio-cultural space are considered on the representative example of Yaroslavl, which is classified as a historical city, and is conditioned by aspects of the city's positioning at the present stage. The article analyzes the historical, cultural and ideological context of the change in the visual dominants and toponymy of the historical city in the Soviet period, identifies aspects of the development of urban planning, attitudes towards the preservation of the historical and cultural heritage of previous eras, changes in the architectural environment and the appearance of the city, the emergence of new concepts and

symbols of its sociocultural space. Strategies and practices for transforming the urban environment are analyzed on the basis of Soviet urban planning programs and general plans of provincial cities (Yaroslavl, Tver, Ryazan), Soviet periodicals, journalism, diaries of citizens, resolutions on renaming urban objects. The article reveals the specifics of the development of the toponymy of the historical city in the Soviet period, aspects of unification and inclusion of the local historical and cultural context in the process of renaming urban objects, analyzes the phenomena and personalities that are in demand in Soviet toponymy, the problems of the loss of ideological connotations and the existence of Soviet urbanonyms in the modern historical city at official and informal levels. On the example of Yaroslavl, the modern context of positioning and actualization of the Soviet cultural heritage in the urban environment is analyzed.

Keywords: Soviet period; historical city; Yaroslavl; sociocultural space; province; toponym; cultural heritage

Conducted under the grant of the Russian National Research Fund № 20-68-46013

For citation: Aleksandrova M. V. Soviet discourse in the socio-cultural space of a historical city (on the example of the city of Yaroslavl). *Yaroslavl pedagogical bulletin*. 2022;(6): 236-243. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.20323/1813-145X-2022-6-129-236-243>. <https://elibrary.ru/zkboxqf>

Введение

Социокультурное пространство исторического города представляет собой сложную систему культурных кодов, отражающих этапы его развития, ключевые исторические события, образ жизни, ценностные установки и эстетические идеалы населения. Целостность образа города обеспечивается за счет согласования знаково-символических продуктов социокультурной практики, важных для освоения городского пространства на семантическом и символическом уровнях. В позиционировании Ярославля, который современное законодательство относит к числу «исторических городов», важное место занимают многовековая преемственность в развитии архитектурной среды, сохранение традиционных визуально-семиотических доминант, акцентирование объектов культурного наследия, связанных с концептами «древнего» или «губернского» города. Вместе с тем в современной топонимии Ярославля, в особенности его исторического центра, преобладает наследие советской эпохи. Неактивность процессов переименования городских объектов в постсоветский период, характерная для многих городов российской провинции [Разумов, 2020], способствует сохранению в Ярославле системы координат и ориентиров городского пространства, частично утративших ценностно-смысловые коннотации. Актуальность исследования данного феномена связана, с одной стороны, с выявлением роли советского дискурса в пространстве повседневности современной российской провинции, а с другой — с необходимостью определить стратегии формирования региональной идентичности посредством информационно-коммуникативной составляющей социокультурного пространства города.

Методы исследования

В исследовании мы опирались на культурно-семиотический и антропологический методы анализа социокультурного пространства города, обращаясь к концепциям образа города [Линч, 1982; Лихачев, 1991], текста города [Лотман, 1984; Топоров, 1984], исследованиям городской идентичности [Горнова, 2019], «ярославского текста» как семиотической системы [Ерохина, 2014; Злотникова, 2012].

Исследование топонимического аспекта социокультурного пространства города опирается на историко-культурные аспекты исследования топонимики, в частности, урбанонимов российского города в XX в. [Разумов, 2002; Разумов, 2020], опыты систематизации локального ярославского материала [Землянская, 2004].

Результаты исследования. Специфика трансформации социокультурного пространства Ярославля в советский период

Понятие «исторический город», разрабатываемое в системе гуманитарных наук и законодательской практике с 1970-х гг., неоднозначно. Его трактовки, как правило, носят характер перечисления объектов и элементов городской среды, нуждающихся в охране и особом правовом статусе. В рамках данного исследования мы опирались на концепцию Л. В. Дмитриевой, включающей в понятие «исторический город» «не только природно-ландшафтное пространство с вписанными в него архитектурными ансамблями, музеями и архивами... но и местное население с его ценностными установками к среде города» [Дмитриева, 2001]. Тысячелетний Ярославль выступает репрезентативным примером развития социокультурного пространства исторического города, в том числе в советский и постсоветский периоды. Его исторический центр с 2005 г. включен в Список всемирного наследия ЮНЕСКО как

выдающийся памятник русского градостроительства, архитектуры и монументального искусства, сложившийся на протяжении пяти столетий (XVI-XX вв.). Вместе с тем значительно превышая по масштабу большую часть исторических городов современной России (за исключением Санкт-Петербурга и Иркутска), являясь крупным промышленным центром, развившимся в советский период, Ярославль в значительной степени отражает влияние советской эпохи на формирование городской среды.

Специфичен и процесс трансформации социокультурного пространства города в первые годы советской власти. Разрушенный в ходе подавления июльского восстания, Ярославль стал первым опытом разработки генерального плана города в советской России. Примечательно, что концепция генплана Ярославля 1924 г. предполагала сохранение «исторического лица» Ярославля: «...наша задача усложняется тем, что мы начали свой труд не на чистом и голом месте, а в черте старого, славного своим историческим значением и традициями города, содержащего в себе множество ценностей нашей отечественной истории и культуры» — подчеркивали ярославские градостроители [Хазанова, 1970]. Глава ярославской Планировочной мастерской С. В. Домбровский отмечал, что на территории выгоревших кварталов «возможна уже полная свобода перепланировки», но «желательно сохранить общий исторический характер плана», предполагая включение исторически сложившейся планировочной структуры в контекст переустройства города на новых инженерно-технических, социально-политических и идеологических началах [Исполнительный комитет ... Л. 192]. Таким образом, с приходом советской власти преемственность в развитии исторического облика Ярославля, по крайней мере, на начальном этапе, оставалась приоритетным направлением градостроительной политики. Отметим, что последующий генплан города 1936 г. предполагал более кардинальное изменение пространства исторического центра города с созданием нового административного центра на Стрелке, но этот проект остался нереализованным из-за начала Великой Отечественной войны, а послевоенные генпланы акцентировали, в первую очередь, создание и развитие новых районов Ярославля [Сапрыкина, 2006]. Подобные тенденции прослеживаются и в развитии социокультурного пространства иных исторических городов российской провинции: первый совет-

ский генплан Рязани 1928 г. «учитывал сложившуюся структуру регулярного города и органически продолжал ее развитие на свободных участках», автор советского генплана Калинин (Тверь) 1945 г. академик Н. Я. Колли подчеркивал необходимость «бережного и любовного отношения к исторически сложившемуся облику города», использование «наиболее положительных и прогрессивных элементов старой планировки» [Иванов, 2016].

Умеренность и «тактичность» градостроительных решений первых лет советской власти по отношению к историческому облику древних провинциальных городов сочеталась с радикальностью трансформации социокультурного пространства на идеологическом и символическом уровнях. В частности, сама роль исторического центра в структуре нового социалистического города подвергалась пересмотру: в дискуссиях урбанистов и дезурбанистов поднимался вопрос о децентрализации города, ликвидации городского ядра в традиционном его понимании [Сабсович, 1929, с. 33-59]. В Ярославле тенденция к нивелированию исторической роли кварталов «старого города» проявлялась и в развитии новых центров и доминант городской среды. Посетив Ярославль в 1929 г., И. Ильф и Е. Петров сообщают: «Самый город Ярославль помечается все-таки не в Ярославле... Город этот — “Красный Перекоп”, текстильная фабрика, одна из самых больших в Советской стране. Если в Ярославле говорят о новой лекции, кинокартине, политическом собрании или футбольном матче, то обязательно прибавляют:

- В клубе «Красный Перекоп».
- На стадионе «Красного Перекопа».
- Среди рабочих «Красного Перекопа».

Старый город угасает...» [Ильф, 1989, с. 133].

Новое строительство, носившее в историческом центре Ярославля точечный характер, в большем масштабе разворачивалось на дореволюционных окраинах — в районе бывшей Романовской заставы, Городского вала (ныне — пр. Ленина). Архитектурное решение первенцев советских пятилеток наполняло социокультурное пространство Ярославля зримыми символами нового строя. Бутусовский поселок, клуб «Гигант», жилые массивы по Б. Октябрьской улице, пр. Октября, жилой дом на Советской площади были оформлены в лаконичном конструктивистском стиле. Проекты в духе «сталинского ампира», знаменовавшие смену парадигм в архитектуре предвоенного и послевоенного периодов,

сообщали центральным площадям и проспектам Ярославля некую театральность, утверждая мощь советской системы в зримых символах — многократно повторяемых, зачастую гипертрофированных мотивах триумфальной арки и торжественной колоннады, скульптурой на фасадах, завершении угловых зданий башенными шпилями по типу кремлевских.

Трансформация исторического облика Ярославля (в меньшей степени, чем в соседних провинциальных городах) осуществлялась и за счет замены прежних доминант городской среды — символов дореволюционной России. Если в начале 1920-х ярославские градостроители подчеркивали необходимость выявления, реставрации и акцентирования в городской среде памятников старины [Исполнительный комитет... Л. 192], то на рубеже 1920-1930-х гг. на уровне пропаганды и следующей за ней градостроительной практики заметен курс на устранение «средневекового налета» в облике Ярославля. В очерке И. Ильфа и Е. Петрова отмечается: «Только красные колонноподобные фабричные трубы спасают городской пейзаж от налета средневековья. Пока что на каждую церковь приходится по трубе. Но пятилетка нарушит это состояние равновесия в пользу труб, а не колоколен» [Ильф, 1989, с. 133]. После массовой ликвидации храмов в 1928 г., средневековые храмы, выступавшие «узлами» планировочной структуры города, вместе с утратой культовой и организационной функций теряли свой символический статус и на визуальном уровне. В храмах размещались учреждения и жилье; культовые комплексы, не попавшие в категорию ценных памятников культуры, быстро ветшали или разбирались на кирпич [Добровольская, 1960], освободившееся пространство требовало новых символов эпохи. Так, в 1930-е гг. на месте уничтоженной Семеновской церкви возникла новая доминанта площади — памятник В. И. Ленину, на месте храма Святого Духа — монументальное здание НКВД. В 1932 г. газета «Северный рабочий» призывала ярославцев к сносу «Варвар великомучениц и Симеонов-столпников, мешающих превращению Ярославля из епархиально-купеческой колыбели в доподлинно социалистический город» [Северный рабочий, с. 4]. Таким образом, кампания по ликвидации памятников культового зодчества носила не только антирелигиозный характер, но и ставила перед собой более масштабную цель — изменить социокультурную среду и облик города, закрепить отказ от концепта «древнего», историче-

ского города в позиционировании советского Ярославля.

Результаты исследования. Историко-топонимический аспект трансформации социокультурного пространства Ярославля

Наиболее ярко и масштабно тенденция к акцентированию советского дискурса в городском социокультурном пространстве проявилась в изменении исторически сложившейся в Ярославле системы урбанонимов. Уже в 1918 г. сразу 18 ключевых объектов центральной части города сменили старые названия на «идеологически верные». К середине 1920-х гг. в топонимике центральных кварталов Ярославля окончательно возобладали названия-символы, одинаковые для большинства советских городов, ставшие важным элементом политической агитации. Массовое переименование ярославских улиц вызывало неоднозначную реакцию даже в других городах. Московский служащий Н. Окунев отмечал в дневнике: «Ярославль... перекрестил Большую Федоровскую улицу в Пролетарскую, Большую Линию — в Линию Социализма, Духовскую улицу — в Республиканскую, Большую Нетечу (какое древнее и интересное название) — в Циммервальда. Дураки! — и больше ничего» [Окунев, 1997, с. 182].

В целом, по нашим подсчетам, лишь два десятка улиц Ярославля при советской власти сохранили свои дореволюционные имена. В этом ряду оказались не только очевидные топонимы, как, например, Волжская набережная, но и колоритные исторические названия Полушкина Роща, Вспольинское поле, Городской вал, Загородный сад [Ярославль... , 2009].

Отметим, что исчезновение «древних и интересных» топонимов, выступавших важными элементами локальной идентичности, не было приметой лишь советского времени. Если в средневековом Ярославле названия улиц (как и сами улицы) возникали спонтанно, отражая локальные и актуальные для жителей характеристики, то в XVIII в. вместе с административной перепланировкой городов появилась и тенденция к унификации названий: в честь ближайшей церкви или направления (Ильинская, Ростовская) [Землянская, 2004]. Здесь показателен пример улицы Калинина, существовавшей на планах дорегулярного Ярославля и связанной, видимо, с именем купца Калины. По регулярному плану она была названа Угличской, в первые годы советской власти получила имя председателя правительства РСФСР Даниила Сулимова, а затем, в связи с

признанием последнего «врагом народа», была переименована в честь Сергея Кирова [Ярославль ... , 2009, с. 56].

Подчеркнем, таким образом, что снижение информативности и аутентичности топонимов в провинциальном городе можно констатировать и вне советского контекста. Советская власть лишь заменила одни названия-символы на другие. Однако и старые названия вне контекста эпохи были обречены на утрату живого смысла: названия Семеновская площадь (ныне — Красная пл.), Всехсвятская улица (переименована в Комитетскую, ныне — ул. Максимова), Большая Рождественская (ныне — ул. Б. Октябрьская), после сноса Семеновского, Всехсвятского, Рождественского храмов не могли оставаться актуальными. Екатерининская улица, носившая имя императрицы Екатерины II, или Губернаторский переулок по объективным причинам оказывались неуместны в советском Ярославле.

Исследование комплекса топонимов Ярославля, появившихся в советский период, позволяет выделить несколько тенденций, свидетельствующих о неоднозначности данного процесса. Наряду с абстрактными урбанонимами, отражавшими коммунистическую идеологию и одинаковыми для большинства советских городов, памятью о революционных и партийных деятелях, лишь единожды посетивших или вовсе не посещавших Ярославль, в советской топонимии города оказались востребованы и уникальные, оправданные локальной историей и культурой феномены, явления, персоналии.

В связи с этим, в первую очередь, необходимо отметить вклад местного Естественно-исторического общества, по предложению которого в 1920-е гг. часть новых топонимов советского Ярославля актуализировала историко-культурное наследие древнего города. Так, в 1927 г. на карте Ярославля появились Туговская и Татарская улицы, при наименовании которых была учтена легенда о битве ярославцев с татарским войском на Туговой горе. Толчковский переулок, также появившийся по предложению Естественно-Исторического общества, увековечивал память о богатой слободе Толчково, название которой, в свою очередь, отражало старинную технологию кожевенного производства — толчение порошка из древесной коры для дубления кож. Ряд новых улиц, включенных в 1920-е гг. в пределы городской черты (Кирпичная, Бондарная), также акцентировали традиции средневековых торгово-ремесленных пригородов. Эта

же логика проявилась в отказе от переименования уже существовавших улиц, названных «по роду занятий жителей» (Ямская, Мельничная, Овинная, Кучерской переулок, Лекарская, Фабричная), сохранившихся с XIX в. до наших дней [Ярославль ... , 2009, с. 115-121].

Тенденция к отражению специфики города была традиционна для развития системы урбанонимов Ярославля в дореволюционный период. Начиная с конца 1920-1930-х гг. топонимы, отражающие локальный историко-культурный контекст, практически исчезли, но во второй половине XX в. количество таких названий постепенно росло [Разумов, 2009, с. 107].

Так, часть топонимов в Ярославле связана с промышленными объектами и стройками советского периода, формировавшими новые районы: Волгостроевская набережная, улицы Автозаводская, Нефтяников. Каждый из них символизирует веху в развитии городской территории, отвечая идентичности нескольких поколений ярославцев, посвятивших работе на этих предприятиях свою жизнь. Отметим, что, наряду с именами революционеров и партийных деятелей, связанных с Ярославским краем, среди локально значимых урбанонимов встречаются имена советских управленцев — директора Ярославского моторного завода А. М. Добрынина, директора Ярославского радиозавода В. Ш. Марголина, председателя жилкоммунотдела, инициатора жилищного строительства в Ярославле 1920-х гг. К. И. Бутусова. Персональный модус топонимии Ярославля представлен и в более чем 20 наименованиях, связанных с ярославцами-героями Великой Отечественной войны, именами знаменитых земляков, в том числе, деятелей советской эпохи — конструктора Б. И. Шавырина, первой женщины-космонавта В. В. Терешковой.

При этом топонимы, продиктованные духом советского времени, не всегда были связаны непосредственно с идеологией, отражая идеалы эпохи в целом. Сюда относятся и названия, связанные с модой на авиацию, памятью о героях-челюскинцах, названия-символы, такие, как улица Свободы, площадь Труда. Примечательно, что идеологический посыл, заложенный в отдельных названиях (улица Победы — в честь победы в гражданской войне, бульвар Мира — в честь Брестского мира, улица Вольная — в честь «воли», полученной в 1917 г., Народный переулок — в честь дома Народа), растворился в более абстрактных трактовках данных терминов.

Утрата актуальной коннотации советских топонимов во многом стала причиной инертности процессов переименования городских объектов в провинции на рубеже XX-XXI вв. В постсоветском Ярославле зафиксировано лишь четыре таких случая. В частности, в 1993 г. одна из центральных площадей города площадь Подбельского (бывш. Рождественская) получила название Богоявленской. Имя В. М. Подбельского, наркома почт и телеграфов РСФСР, было дано площади в связи с расположением на ней главпочтамта. Накануне открытия на площади памятника Ярославу Мудрому и визита в Ярославль первого президента России Б. Н. Ельцина название площади решено было изменить «с учетом результатов социологических опросов и просьб верующих» [Решение, 1993]. При этом в основу переименования был положен традиционный для дореволюционной России принцип — по близлежащей церкви Богоявления (церковь Рождества Богородицы была снесена в 1930 г.). Религиозный контекст носило и переименование улицы Емельяна Ярославского, названной в честь председателя «Союза воинствующих безбожников», одного из руководителей ярославской стачки 1905 г. Расположение на данной улице действующего кафедрального Федоровского собора обусловило возвращение ей исторического названия — Большая Федоровская. По инициативе Русской православной церкви в 1997 г. были также переименованы Матросская улица и Матросский спуск, ставшие Пятницкими, в честь возрожденной церкви Параскевы Пятницы [Ярославль ... , 2009]. На протяжении 2000-х гг. поднимался вопрос и о переименовании Советской площади в Ильинскую, однако эта инициатива пока не была реализована.

Одним из результатов общественных дискуссий о переименовании улиц, продолжавшихся в Ярославле с начала 1980-х гг., стало распространение аншлагов с актуальным и историческими названиями улиц. Отдельные урбанонимы, появившиеся в советский период, практически были вытеснены в повседневном обиходе неофициальными (пл. Челюскинцев — Демидовский сквер). Однако около 38 % городских топонимов в Ярославле (а в границах исторического центра города — около 60 %) по-прежнему связаны с советской эпохой [Ярославль : историкотопонимический ... , 2009]. При этом советские неофициальные урбанонимы, такие как «Пятерка» (от существовавшего в советское время номера трамвайного маршрута), «Перекоп» (от

комбината «Красный Перекоп»), «Сокол» (по поселку летчиков), стали полноценными названиями районов и микрорайонов города, во многом сохраняя аутентичный образ советского Ярославля. Подобные явления, на наш взгляд, свидетельствуют о естественности бытования советского дискурса в провинциальном городском пространстве.

Заключение

Специфика процесса трансформации социокультурного пространства Ярославля в советский период, обусловленная идеологическими и социально-экономическими факторами развития города, обеспечила включение советского дискурса в среду исторического города при сохранении значительной части культурного наследия предшествующих эпох. При этом появление новых центров и доминант городской застройки, ассоциируемых с советским периодом, а также изменение городской топонимии на официальном и обиходном уровнях во многом сформировало систему текстов и кодов современного Ярославля. Актуальность и неоднозначность проблемы позиционирования советского культурного наследия в социокультурном пространстве исторического города российской провинции отражают такие современные инициативы, как монумент «Паруса молодости», открытый в Ярославле к 100-летию Комсомола, культурно-просветительская и музейная работа по сохранению и актуализации памятников советской эпохи. Исследование советского дискурса в городской среде позволяет открыть новые грани и перспективы в позиционировании города, связанные с аспектами преемственности поколений и формирования региональной идентичности.

Библиографический список

1. Горнова Г. В. Визуально-семиотические аспекты городской идентичности // Праксема. Проблемы визуальной семиотики. 2019. № 3. С. 62-74.
2. Дмитриева Л. В. Исторический город в современной науке и региональном образовании // Методология гуманитарного знания в перспективе XXI века : материалы Международной научной конференции. Вып. 12. 18 мая 2001 г. Санкт-Петербург : Санкт-Петербургское философское общество, 2001. С. 197-198.
3. Добровольская Э. Д. Из истории реставрации памятников архитектуры Ярославля в 1918-1921 гг. // Краеведческие записки. Вып. 4. Ярославль : Государственный Ярославско-Ростовский историко-архитектурный и художественный музей-заповедник, 1960. С. 172-187.

4. Ерохина Т. И. Ярославский текст как семиотическая система // Ярославский педагогический вестник. 2014. № 4. С. 264-268.

5. Землянская Н. С. Топонимия регулярного города Ярославля // Культурный ландшафт и архитектурная среда городов Верхневолжья. Ярославль : Ремдер, 2004. С. 74-81.

6. Злотникова Т. С. Город-феномен и город-среда в междисциплинарном научном дискурсе // Городская культура и город в культуре : материалы Всероссийской научно-практической конференции / под ред. С. В. Соловьевой. Самара : СГАКИ, 2012. С. 7-13.

7. Иванов П. Автор лучшего генплана. Академик архитектуры Н. Я. Колли и его работа в Калининне // Тверские своды : сайт. 2016. URL: <http://tversvod.ru/event430/> (дата обращения: 1.09.2022).

8. Ильф И. Ярославль перед штурмом // Ильф И., Петров Е. Необыкновенные истории из жизни города Колоколамска. Москва : Книжная палата, 1989. С. 133.

9. Исполнительный комитет Ярославского уездного совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. ГАЯО. Ф. Р-208. О. 1. Д. 117.

10. Линч К. Образ города / пер. с англ. В. Л. Глазычева под ред. А. В. Иконникова. Москва : Стройиздат, 1986. 264 с.

11. Лихачев Д. С. Образ города // Лихачев Д. С. Книга беспокойств. Воспоминания, статьи, беседы. Москва : Новости, 1991. С. 391-414.

12. Лотман Ю. М. Символика Петербурга и проблемы семиотики города // Семиотика города и городской культуры: Петербург. Тарту : Тартуский государственный университет, 1984. Вып. 664. С. 30-45.

13. Окунев Н. П. Дневник москвича 1917-1924. Москва : Воениздат, 1997. 285 с.

14. Разумов Р. В. История города в названиях улиц // Мир русского слова. 2009. № 1. С. 105-107.

15. Разумов Р. В. Процесс переименования объектов в российской федерации в 1990-2000-е гг. как особая социокультурная практика // Верхневолжский филологический вестник. 2020. № 4 (23). С. 196-204.

16. Разумов Р. В. Система урбанонимов русского провинциального города в первое послереволюционное десятилетие (на примере Рыбинска и Ярославля) // Ярославский педагогический вестник. 2002. № 4 (33). С. 153-156.

17. Решение Малого Совета Ярославского городского совета от 06.10.1993 № 253 // Городские новости. 10 октября 1993.

18. Сабсович Л. Города будущего и организация социалистического быта // 1929. Москва : Государственное техническое издательство, 1929. 64 с.

19. Сапрыкина Н. С. Советская архитектура Ярославля: Реальность и виртуальность. Ярославль : Изд-во ЯГТУ, 2006. 496 с.

20. Топоров В. Н. Петербург и петербургский текст русской культуры // Семиотика города и городской культуры: Петербург. Тарту : Тартуский государ-

ственный университет, 1984. Вып. 664. С. 4-29.

21. Хазанова В. Э. Советская архитектура первых лет Октября. Москва : Наука, 1970. 216 с.

22. Ярославль: историко-топонимический справочник / под ред. А. Ю. Данилова, Н. С. Землянской. Ярославль : РИЦ МУБиНТ, 2006. 208 с.

Reference list

1. Gornova G. V. Vizual'no-semioticheskie aspekty gorodskoj identichnosti = Visual-semiotic aspects of urban identity // Praksema. Problemy vizual'noj semiotiki. 2019. № 3. S. 62-74.

2. Dmitrieva L. V. Istoricheskij gorod v sovremennoj nauke i regional'nom obrazovanii = Historic city in modern science and regional education // Metodologija gumanitarnogo znanija v perspektive XXI veka : materialy Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii. Vyp 12. 18 maja 2001 g. Sankt-Peterburg : Sankt-Peterburgskoe filosofskoe obshhestvo, 2001. S. 197--198.

3. Dobrovol'skaja Je. D. Iz istorii restavracii pamjatnikov arhitektury Jaroslavlja v 1918-1921 gg. = From the history of restoration of Yaroslavl architectural monuments in 1918-1921. // Kraevedcheskie zapiski. Vyp. 4. Jaroslavl' : Gosudarstvennyj Jaroslavo-Rostovskij istoriko-arhitekturnyj i hudozhestvennyj muzej-zapovednik, 1960. S. 172-187.

4. Erohina T. I. Jaroslavskij tekst kak semioticheskaja sistema = Yaroslavl text as a semiotic system // Jaroslavskij pedagogicheskij vestnik. 2014. № 4. S. 264-268.

5. Zemljanskaja N. S. Toponimija reguljarnogo goroda Jaroslavlja = Toponymy of the regular city of Yaroslavl // Kul'turnyj landshaft i arhitekturnaja sreda gorodov Verhnevolzh'ja. Jaroslavl' : Remder, 2004. S. 74-81.

6. Zlotnikova T. S. Gorod-fenomen i gorod-sreda v mezhdisciplinarnom nauchnom diskurse = City-phenomenon and city-environment in interdisciplinary scientific discourse // Gorodskaja kul'tura i gorod v kul'ture : materialy Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii / pod red. S. V. Solov'evoj. Samara : SGAKI, 2012. S. 7-13.

7. Ivanov P. Avtor luchshego genplana. Akademik arhitektury N. Ja. Kolli i ego rabota v Kalinine = Author of the best general plan. Academician of architecture N. Ya. Colli and his work in Kalinin // Tverskie svody : sajt. 2016. URL: <http://tversvod.ru/event430/> (data obrashhenija: 1.09.2022).

8. Il'f I. Jaroslavl' pred shturmom = Yaroslavl before the assault // Il'f I., Petrov E. Neobyknovennye istorii iz zhizni goroda Kolokolamska. Moskva : Knizhnaja palata, 1989. S. 133.

9. Ispolnitel'nyj komitet Jaroslavskogo uezdno go so veta rabochih, krest'janskih i krasnoarmejskih deputatov = Executive Committee of the Yaroslavl district council of workers, peasants and Red Army deputies. GAJaO. F. R-208. O. 1. D. 117.

10. Linch K. Obraz goroda = The image of the city / per. s angl. V. L. Glazycheva pod red. A. V. Ikonnikova. Moskva : Strojizdat, 1986. 264 s.

11. Lihachev D. S. *Obraz goroda = The image of the city* // Lihachev D. S. *Kniga bespokojstv. Vospominanija, stat'i, besedy.* Moskva : Novosti, 1991. S. 391-414.
12. Lotman Ju. M. *Simvolika Peterburga i problemy semiotiki goroda = The symbolism of St. Petersburg and the problems of the semiotics of the city* // *Semiotika goroda i gorodskoj kul'tury: Peterburg.* Tartu : Tartuskij gosudarstvennyj universitet, 1984. Vyp. 664. S. 30-45.
13. Okunev N. P. *Dnevnik moskvicha 1917-1924. Diary of a Muscovite in 1917-1924.* Moskva : Voenizdat, 1997. 285 s.
14. Razumov R. V. *Istorija goroda v nazvanijah ulic = City history in street names* // *Mir russkogo slova.* 2009. № 1. S. 105-107.
15. Razumov R. V. *Process pereimenovanija ob#ektov v rossijskoj federacii v 1990-2000-e gg. kak osobaja sociokul'turnaja praktika = The process of renaming objects in the Russian Federation in the 1990s-2000s. as a special sociocultural practice* // *Verhnevolzhskij filologičeskij vestnik.* 2020. № 4 (23). S. 196-204.
16. Razumov R. V. *Sistema urbanonimov russkogo provincial'nogo goroda v pervoe poslerevoljucionnoe desjatiletie (na primere Rybinska i Jaroslavlja) = The system of urbanonim of the Russian provincial city in the first post-revolutionary decade (on the example of Rybinsk and Jaroslavl)* // *Jaroslavskij pedagogičeskij vestnik.* 2002. № 4 (33). S. 153-156.
17. *Reshenie Malogo Soveta Jaroslavskogo gorodskogo soveta ot 06.10.1993 № 253 = Decision of the Small Council of the Jaroslavl City Council of 06.10.1993 № 253* // *Gorodskie novosti.* 10 oktjabrja 1993.
18. Sabsovich L. *Goroda budushhego i organizacija socialističeskogo byta = Cities of the future and the organization of socialist life* // 1929. Moskva : Gosudarstvennoe tehničeskoe izdatel'stvo, 1929. 64 s.
19. Saprykina N. S. *Sovetskaja arhitektura Jaroslavlja: Real'nost' i virtual'nost' = Soviet architecture of Jaroslavl: Reality and virtuality.* Jaroslavl' : Izd-vo JaGTU, 2006. 496 s.
20. Toporov V. N. *Peterburg i peterburgskij tekst russkoj kul'tury = Petersburg and the St. Petersburg text of Russian culture* // *Semiotika goroda i gorodskoj kul'tury: Peterburg..* Tartu : Tartuskij gosudarstvennyj universitet, 1984. Vyp. 664. S. 4-29.
21. Hazanova V. Je. *Sovetskaja arhitektura pervyh let Oktjabrja = Soviet architecture of the first years of October.* Moskva : Nauka, 1970. 216 s.
22. *Jaroslavl': istoriko-toponimičeskij spravocnik = Jaroslavl: historical and toponymic reference book / pod red. A. Ju. Danilova, N. S. Zemljanskoj.* Jaroslavl' : RIC MUBiNT, 2006. 208 s.

Статья поступила в редакцию 29.09.2022; одобрена после рецензирования 21.10.2022; принята к публикации 10.11.2022.

The article was submitted on 29.09.2022; approved after reviewing 21.10.2022; accepted for publication on 10.11.2022.